2. Приказ Минэкономразвития России от 02.10.2013 N 567 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)».
3. Новиков В.А. Проблемы применимости методов обоснования начальной (максимальной) цены контракта // ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО - БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 243-246.
4. Саркисян А.Ж. Преступления коррупционной направленности в Российской Федерации // Противодействие преступлениям коррупционной направленности: материалы междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 27 октября 2016г.) под общ. ред. А.И. Бастрыкина – М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016.С. 170.
5. Сиделев В.В. Значение планирования производства предварительного следствия на последующем этапе // Журнал «Российский следователь». №3. 2019. С. 22-25.

Уханов А.Д.

Динамическое измерение правовой ментальности: механизмы трансляции и изменения

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(Россия, Владивосток)*

doi:10.18411/spc-20-12-2019-05

idsp: sciencepublic-20-12-2019-05

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-00034
(а1)*

Исследования социокультурных, ментальных, архетипических и прочих метаюридических оснований права являются достаточно новыми в отечественной юридической науке и редко находят поддержку в кругах позитивистски настроенных теоретиков права. Подобные исследования, вписываясь в тенденцию обновления теоретико-методологического арсенала юридической науки, в качестве основной цели видят установления связи права и государства с национальной культурой (социокультурной средой, правоментальным пространством и т.д.), а также социальным бытием и мировоззренческими представлениями, характерными для относительно гомогенных групп, в качестве которых рассматривают нации или народы.

В настоящий момент можно заключить, что именно теория правовой ментальности является наиболее проработанным в методологическом, понятийно-категориальном, историческом и проч. аспектах направлением, фиксирующим национально-культурную обусловленность права и государства, а также тесно связанных с ними явлений. Представителями этого направления даётся следующее, весьма обстоятельное и многоаспектное определение правовой ментальности: «совокупность (система) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т.п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности (юридических и политических институтов, национальных и конфессиональных отношений и др.), определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных и профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц» [1, с. 64].

Из этого определения весьма четко видно, что правовой менталитете понимается как сложное, многосоставное (системным) явление, структурно распадающееся на политико-правовую парадигму (правовые архетипы и представления), стиль правового мышления (устойчивые, привычные образы и формы, проявляющиеся в когнитивных установках) и тип предправового поведения (некодифицированные, но действующие готовности, запреты, ожидания, нормы). Весьма важно, что в этом свете правовая ментальность понимается указанные элементы холистически в качестве единого целого (а не рудекционистки), где каждый элемент отражает всю совокупность связей и

указывает как на целое, так и иные составляющие, и является чем-то самостоятельным лишь аналитически.

Вместе с тем, как можно заметить, всё что было сказано ранее относится к статическому измерению правовой ментальности. Однако, представляется важным от статики перейти проблеме динамики ментальности. Под динамикой ментальности следует понимать три взаимосвязанные проблемы: во-первых, трансляцию (перенос, распространение) правоментальных кодов, установок, представлений от одного поколения к другому, а также между носителями различных ментальностей (с последующими конвергенциями, конфликтами, образованием новой ментальности, поглощением и т.д.), во-вторых, процесс изменения ментальности во времени в связи с различными факторами (включая характер и обстоятельства трансляции ментальности или же ситуацию столкновения правоментальных кодов различных народов). И, в-третьих, механизмы поддержания постоянства содержания ментальности (стандартизирующие институты).

Эти вопросы не являются решенными и ещё только требуют внимания историков, юристов, философов, культурологов и психологов. Тем не менее, в весьма общих чертах по каждому пункту можно обозначить следующее.

Во-первых, определяющую роль в трансляции правоментальных кодов и установок (правокультурного опыта нации) на микроуровне обыденные речевые и поведенческие практики в семье, образовательных коллективах и т.д., а на макроуровне более сложные институты, вроде, устройства правопорядка. В связи с этим обнаруживается определённая двойственность, согласно которой сами трансляционные механизмы являются порожденными правовой ментальностью, а с другой выступают в качестве фактора относительно самостоятельного в отношении к ней. Сказанное не означает возможность изменений правоментальных кодов.

Во-вторых, правоментальные установки подтверждены изменениям, которые в наиболее четкой форме кристаллизуются а) при заимствовании правовых институтов из иной правоментальной среды или же проведении реформаторских (модернизационных) мероприятий, а также б) при революционных потрясениях, охватывающих различные сферы жизнедеятельности сообщества. Вместе с тем, здесь тоже обнаруживается указанная ранее двойственность, согласно которой правовая ментальность выступает не только предметом трансформации, но и во многом определяет её, задавая некоторый вектор изменений, согласующийся типическими доминантами, выступая в качестве смыслопорождающей матрицы интеракции происходящих изменений [2, с. 88-89]. Поэтому моменты «кардинальных сдвигов» для исследователей являются наиболее информативными, поскольку именно в этих точках устойчивое, правоментальное ядро проявляется себя наиболее четко. Более того, сравнив как минимум два состояния (до изменений и после), также можно обнаружить определённые закономерности.

И, в-третьих, среди механизмов поддержания и стандартизации правовой ментальности необходимо выделить преобладающий (национальный) язык, национальное образование, существующие политическую и правовую системы, средства массовой информации, науку и искусство, а также национальный рынок [1, с. 42].

Таким образом, следует подытожить, что динамическое измерение правовой ментальности является весьма важным и эвристически полезным не только для всей теории правовой ментальности, но и в целом для социокультурного направления правопознания.

***

1. Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. – Ростов н/Д., 2007. – 448 с.
2. Овчинников А.И. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики российского государства: монография / А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, Д.И. Мамычева, А. В. Манастырный, М. Е. Тюрин, А. В. Юшко. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 290 с.